

Павел Манжос

*Притчи
у настольного огня*

*Поэмы, баллады,
притчи*

Павел Манжос
Притчи у настольного огня.
Поэмы, баллады, притчи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22104353
ISBN 9785448346934*

Аннотация

Рассказ, а уж тем более повесть и роман вытеснены просмотром телесериалов. Конкуренции с телевизором проза не выдерживает. Но у поэзии возможностей больше. Всё ещё завораживает слух рифмованная строка, и рассказы в виде поэмы, баллады и новеллы люди воспринимают с интересом. Темы предлагаемых произведений – это то, что волновало и продолжает волновать меня на протяжении всей жизни. Одни из них фантастичны, иные взяты из самой реальной жизни. Но уверен в одном: все они – часть моей жизни.

Содержание

Infant perdu	6
Аве, Марина!	8
Астронавт	10
Афганские грёзы	12
Баллада о Белом Мамонте	14
Баллада о билете	16
Баллада о гвоздях	19
Баллада о золотом каньоне	22
Баллада о Птице	27
Баллада о словах	29
Баллада об Учёном	31
Белые пятна на чёрном асфальте	34
Блаженная Мадонна	37
Богиня2	42
Большая перемена	44
Бомжи	46
В ночном троллейбусе	47
Вавилонская башня	49
Вечерний гость	51
Вирус Z	52
Возвышение хама	55
Волшебная палочка	57
Город Грядущих Лет	59

Двое из прошлого	62
Дедалы и Икары	64
Деловой Человек	66
День рождения неизвестных	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Притчи у настольного огня

Поэмы, баллады, притчи

Павел Манжос

© Павел Манжос, 2016

ISBN 978-5-4483-4693-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Infant perdu

Давно, взлетев на корабле
Из звёздной пыли,
Меня забыли на Земле,
Меня забыли!

Я дик, мне люди не родня,
Их мир – обманщик!
Опоссум ближе для меня
И одуванчик.

Святому Южному Кресту —
За край планеты —
Я шлю сигналы в темноту...
Мой берег, где ты?

Прожив три тысячи веков
Тревожной тенью,
Я полюбил смех ветерков,
И тяготенье,

И лик берёзовой Руси,
И свет Тибета,
О тех же, кто на небеси, —

Тоска поэта.

А люди то, что мило мне,
Всё разлюбили.
Меня забыли на Земле,
Меня забыли...

(9 октября 2012)

(*Infant perdu*¹)

¹ *Infant perdu* – Потерянное дитя (франц.) – так в старину во Франции называли рядового французской армии.

Аве, Марина!

Торжественно, свято, старинно
Шепчу тебе: «Аве, Марина!»
Сияет Твой лик предо мною,
Взмывает Твой лик над страной,
Где кровью поэтов рябина
Окрашена. Аве, Марина!

Глядишь на меня издалёка,
В глазах Твоих – горечь упрёка
И память об острых камнях.
Стою пред Тобой на коленях:
За всё, что свершилось лавинно,
Прости меня. Аве, Марина!

Над судьбами властвует филин,
А я не всеблаг, не всесилен,
Не смог охранить Твои плечи
От грязи и лжи человеческой.
За всё, что убито безвинно,
Прости меня. Аве, Марина!

Тот странник с большими глазами...
Он молча стоит на вокзале.

Минута звенит расставанья.
Что скажешь: прощай?.. до свиданья?
Землёй ему станет перина.
Верни его. Аве, Марина!

Там строят большой муравейник,
Там правит безбожный затейник,
Там казни вершат лицедеи
Во имя всеобщей идеи,
Там концлагерей паутина,
Там смерть Твоя. Аве, Марина!

Но – тщетно: Ты зова не слышишь.
Лишь пальцем взволнованно пишешь
На влажном окошке вагона.
Вот в дымке лесистого склона
Растаял, проухав совино,
Тот поезд. О, аве, Марина!

За дымкою – ранняя тризна:
Тебя увенчает Отчизна
Тем самым, из строк и куплетов,
Пеньковым венком для поэтов
И крестным гвоздём славянина...
Прости её. Аве, Марина!

(1988)

Астронавт

Астронавт умирал во вселенной.
Какая красивая смерть! —
Вспышка чёрная боли мгновенной —
И вечности звонкая медь.

Где-то всё ещё призрачно жили
Сапожники, прачки, швеи,
Подбивали, стирали и шили
Усталые души свои.

Жёлчно-жёлтый неистовый карлик
Пронзал его гаммой лучей,
Был последним синеющий шарик
Из добрых бессильных врачей.

Астронавт умирал во вселенной,
И звёзд пополнялась семья,
А кого-то в грязи откровенной
Голодная съела свинья.

Кто-то, лежа на полке чайханной,
Истлел в наркотическом сне,
Исповеданный опийной манной

И истиной в кислом вине.

Астронавт умирал во вселенной,
А в тёмной в глуши мировой
Кто-то слил свои горести с Сеной
Под гулким мостом Мирабо.

Студенистое, мокрое тело
Начало разбухать и синеть,
И прохожий вздохнул отупело:
«Какая ужасная смерть!»

Их не помнят. Их жизнь-лихоманка
Ткёт времени зыбкую ткань:
Настоящей планеты изнанка
Есть будущей горькая дань.

Астронавт – на виду у вселенной,
А петли затем не видны,
Чтобы сияла в красе неизменной
Земля с лицевой стороны.

(1987)

Афганские грёзы

Сверкающий ветер... Он ожил во мне!
Как жарко лететь на мохнатой спине!
Сверкающий вихрь, как взъерошенный тигр,
Мне путает мысли сумятицей игр...
Светло и спокойно – ни зла, ни беды...
Но только бы каплю холодной воды!

Ах, милая мама, как я тебе рад!
Давай-ка лопату, вскопаем наш сад,
Посадим клубнику сияющим днём,
На тополе старом скворечник прильём,
А ночь разольёт аромат резеды...
Но только бы каплю холодной воды!

А вот и она, в белом платье. Привет!
И слышу привет её тихий в ответ.
Смеющийся взгляд и берёзовый стан...
Но грёзы растаяли: Афганистан!
Дымит БТР у скалистой гряды.
Но только бы каплю холодной воды!

Сверкающий ветер... Он воеет по мне!
И слёзы роняет звезда в вышине,

И в вечность зовёт горизонта изгиб...
За что я сражался, за что я погиб?
Пусть камни забудут, что стали седы.
Но только бы каплю холодной воды!

(1989)

Баллада о Белом Мамонте

Давным-давно, когда цветы
Цвели по всей земле,
Жил Белый Мамонт Доброты
В единственном числе.

Он был умнейшим среди зверей,
Душой – белей белил,
И люди делались добрей,
Где в хобот он трубил.

Но вот однажды чёрный мор
Напал на племена,
И старый вождь развел костёр
И вызвал колдуна.

И тот изрёк, свой пляс свершив
По углям и костям:
«Покуда Белый Мамонт жив,
Не быть конца смертям!

И если хочешь до Звезды
Последних мёртвых счесть,
То сердце зверя должен ты

Сырым со мною съестъ.

Подвластен только тучам дождь,
А век земной – богам...»
И повелел ловушки вождь
Устроить по логам.

Был ранен зверь и пал без сил,
А вождь облил вином
И сердце тёплое вкусил
В застолье с колдуном.

Но длился мор, а племена
Трясло от заварух:
Сердца расплавил война,
Вражды и злобы дух.

Поныне жгут они мосты,
Но виден мне во мгле
Тот Белый Мамонт Доброты
В единственном числе.

(1983)

Баллада о билете

*Но если по дороге куст
Встаёт, особенно – рябина...
Марина Цветаева*

Дороже всех диковин на земле,
Бумажной неразвенчанной святыней
Лежал билет в потёртом кошельке,
Утерянном в каком-то магазине.

А может, обронённом на тропе —
Под колесо машине иль трамваю?..
А может, и украденном в толпе —
Я этого теперь не разгадаю.

Он так же тонок был и так же бел,
Как все его бумажные собратья,
Но как он стал важнее важных дел —
И этого не в силах разгадать я.

Я лишний раз его не доставал,
Я лишний раз не смел его коснуться,
И вот – исчез он, как и не бывал,
Едва успев в ладони перегнуться.

И, шаря по карманам впопыхах,
Я чертыхался яростно-угрюмо,
Виня кого-то в мерзостных грехах,
А с ним себя, растяпу-тугодума.

Доказывал у входа горячо,
Красноречив, как опытный оратор,
Сто тысяч раз и раза три ещё,
Но был суров и глух администратор.

Он резко отвечал, что полон зал,
Он говорил, что зря я время трачу...
Я ничего ему не доказал,
И всё же верил в случай и удачу.

И – долгожданный миг! Не помню как,
Но я проник – стучи и отворится! —
Летит твой лик сквозь синий полумрак,
Поэзии опальная царица!

Летит ко мне и к, замершим, другим
С зеркальной глади крышки фортепьяно,
И женский голос с призывком тугим
Твои стихи читает – без изъяна!

И я уже с тобой – к плечу плечом,
Твоей моя отмечена судьбина...
А мой билет? Он, в общем, ни при чём:
Мне дорог куст. Особенно – рябина...

(1988)

Баллада о гвоздях

Они ни в чём не виноваты —
Ладони, что легли на крест.
Был лёгок их порыв крылатый,
Но так тяжёл – Пилатов жест.

Раскинутые для полёта
И пригвождённые для мук...
Не ведал Рим в тенётах гнёта
Таких летящих в небо рук.

А гвозди слепо выполняли
Приказ слепого молотка,
И ни тревоги, ни печали
Не знали ржавые бока.

С того железного почина
Века дремучие спустя
Кижинский выстроил детина
Храм без единого гвоздя.

В чащобе девственного леса,
Чтоб князю тьмы не быть слугой,
От их проклятого железа

Укрылся праведник другой.

Изведал тленья злую силу
Тот храм, а Лыкову-отцу
Железом вырыли могилу...
Sic transit!.. Всё идёт к концу.

Но гвозди сделала планета
Не из железа – из людей,
И крепче, по словам клеветы,
На свете не было гвоздей.

И арестанта-поселенца
Солдатско-царскую шинель
И плоть Кронштадта и Лиенца
Они пронзали, как шрапнель.

И в доски лагерных барачков
Их забивали не спеша,
И в цвет окрашивалась маков
По шляпку вбитая душа.

А мир безумный, мир железный
Всё жаждал крови, как Молох, —
Живой, горячей, бесполезной —
И всё насытиться не мог.

Но дал начало лет течению,
Скрепив с любовью гнева гроздь,
Забитый не по назначению —
Тот самый первый крестный гвоздь...

(1993 – допис. 2002)

Баллада о золотом каньоне

В те годы, когда стремились
Свободные англичане
Из Старого света в Новый,
Манящий карманы свет,
По прерии ехал Джонни,
И было в его кармане,
Как в ухе его мустанга, —
Без малого ноль монет.

Но весел был добрый Джонни,
В улыбке кривились губы,
И ему на шляпу
Бросало свой щедрый луч...
«Ах, сколько же стоит небо?
А в Иерехоне – трубы?
Скажи-ка, папаша Чарли,
Почём эта пара туч?»

Так пел мой весёлый Джонни,
Не знавший в душе печали,
Хотя и его улыбка
Бывала подчас горька,
Но мрачен был спутник Джонни,

Безбожный папаша Чарли,
И на рукоятке кольца
Лежала его рука.

Безбожный папаша Чарли
Расчёты любил и сметы,
Безбожный папаша Чарли
Свой век разменял, копя.
В сапог он засунул перстень
И в пояс зашил монеты,
И жадное спрятал сердце
За пазухой у себя.

Суровые Кордильеры
Их плотной стеной встречали.
Дорога пошла такая,
Что только зевнул – и вниз!
И Джонни зевнул и – вскрикнул:
«Скорее дай руку, Чарли!» —
Весёлый бродяга Джонни
Над бездной глухой повис.

И жадный, безбожный Чарли
Снял с кольца большую руку
И твёрдо и молчаливо
Несчастному протянул...

А ночью в каньоне Духов
Они разгоняли скуку
И грели костром и джином
Уступы озябших скул.

А утром хребет холодный
Укрыла зари корона,
И свет золотой рассеял
В каньоне сырую тьму,
И золото заблестело
Заманчиво и лимонно...
Скажи-ка, папаша Чарли,
Какая цена ему?

И людям его послала
Судьба в наказание, в дар ли?
Она и сама не знает —
Для сердца ли, для виска?
Но золотом заблестели
Глаза у папаши Чарли,
И на рукоятку кольца
Упала его рука.

Наметилась злая смета,
И план беспощадный вызрел:
«Весёлый бродяга Джонни

Ещё безмятежно спит...
Так спи же, спи вечно, Джонни!...»,
Но грянул внезапный выстрел,
И рухнул папаша Чарли
Средь жёлто-красных плит.

Лишь эхо, в ответ пролаяв,
Рассыпалось по пещерам,
Весёлый бродяга Джонни
Свой кольт в кобуру вложил:
«Прости меня, добрый Чарли!
Ты умер акционером,
А я бы – бродягой нищим,
Таким же, каким и жил».

И он золотые слитки
В пустые мешки насыпал
И прочь, лошадей навьючив,
Побрёл по следам копыт,
А злому папаше Чарли
Неласковый жребий выпал —
Спать вечно в каньоне Духов,
Средь жёлто-красных плит.

Старинную эту притчу
Забыть наши уши вправе ль?

Мешает в бочонке дьявол
Злодея и добряка,
И не разберёшь, как прежде,
Где Каин, где добрый Авель,
Но так же разит незримо
Предательская рука.

(1980)

Баллада о Птице

Поймали Птицу, в клетку посадили
Велели петь, как снимут покрывало,
Кормили сытно, прутья золотили,
И лишь летать ей клетка не давала.

Живя в плену у праздного бессилья,
Забыла Птица прежние невзгоды,
Но тосковали сложенные крылья
По сладкой мгле и свежести свободы.

Она смотрела горестно и немо
Туда, где было, втиснутое в раму,
Далёкое, несбыточное небо, —
И видела прекрасную Панаму.

Так месяцы и годы пролетели,
И вот однажды, вырвавшись из клетки,
Она впорхнула в кружево метели,
Которой нет белей на белом свете.

Звенела стужей линия трамвая,
В проулки ночь неслышная вползала,
И жил весь город, не подозревая,

Что на свободе Птица замерзала.

И думала она: «Так вот какая
Прекрасная, манящая свобода:
Серебряными искрами сверкая,
Таится смерть холодная у входа!

Так что любить – холёную неволю
Иль этот миг полёта перед смертью?..»
И пала Птица, скованная болью,
Подкошенная белой снеговой.

Закреты жизни старые страницы,
Из плена стужи рвутся нынче воды,
И вновь поют непойманные птицы
О сладкой мгле и свежести свободы.

(1985)

Баллада о словах

Хоронили слова, хоронили,
Погребали в бумажной могиле,
А они из могилы кричали
О судьбе, о беде, о печали.

Хоронили слова, хоронили:
Много знали они и хранили,
Много видели и испытали
До последнего сальто-мортале.

Хоронили слова, хоронили...
Их в горячке на лист обронили,
Их взволнованно губы шептали,
Да чужие глаза их читали.

Хоронили слова. Не они ли
Убеждали, просили, молили,
Восклицали, стенали, роптали
И... в каморках корзинок отцветали?

Хоронили – без траурных лилий,
И на башнях по ним не звонили,
И у гроба о них не рыдали,

И не им раздавали медали.

Сколько их среди имен и фамилий
В ожиданье глухом истомили!
Но из мёртвых слова восставали —
В наших снах они смолкнут едва ли.

И живут, воскресая из пыли,
Под сукном у чиновных рептилий,
Не замученные палачами, —
Те слова, что пылали в Начале!

(1986)

Баллада об Учёном

*Памяти Владимира Николаевича
Душутина-Келлера,
воронежского краеведа и русского историка*

Он был последним, совсем заброшенным,
Его за глаза называли Сенькой.
Но безголовым шапкам поношенным
Его голова была ступенькой.

Он в ней свои громоздил категории,
Которых не было в мире безвестней,
И значился он не в анналах истории,
А в манускриптах истории болезни.

Не раз, обруганному и освистанному,
Ему отдавливали мозоли,
Но он, Учёный, чувствовал истину,
Почти совсем не чувствуя боли.

И, сидя порой на скамье свежеекрашенной,
Творил он Идею, бумаги комкая,
И, бледный, бессонный и взбудораженный,
Её языком говорил с потомками.

Сквозь дни-беспросветья, сквозь годы-вериги
Пронёс он, храня как зеницу ока,
Память о «дощках» Велесовой Книги,
А жил... заброшенно и одиноко.

И вот наконец – свершилось. Свершилось!
Почётны, значит, ещё добродетели:
У светлого мира снискал он милость,
Светила мира его заметили.

Скорей! Телетайпы стучат печатками,
Как будто костями гремят игральными, —
Пренебрегли телетайпы шапками —
За головами следят гениальными!

И слава о нём понеслась стоязыкая:
«Он создал!.. открыл!.. он маг!.. он гений!»
Ах, слава! Ты самое невеликое
Из нерукотворных земных творений.

Ему предоставили право голоса
Мужи учёные, сферы судьи,
Ему предоставили право полюса
Соединять меридианы судеб.

Но что же Учёный? Ещё не в золоте?

Ещё не обласкан? Звучит зуммер:

«Абонент на проводе?»»

Тих ответ: «Абонента нет. Абонент... умер».

(2002)

Белые пятна на чёрном асфальте

«С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять... С собой брать только необходимое для жизни и боя». Дальше идет указание начать в 23—00 18 июня выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в глухих лесах! (Приказ №0033. Архивный документ №45 [44].) Марк Солонин. Три плана товарища Сталина.

На телеканале «Культура» —
Ни драк, ни смешков, ни полемик.
Подобьем шахтерского бура —
Сверлящий мозги академик.

Глаголет, как поп по обедням,
И в нас отдаётся набатом:
«Советский Союз был последним,
Кто пакт заключил с Бесноватым».

Да, факты! Они не игрушки...
Но хитро молчит академик
О том, кто на танки и пушки

Дал мрази коричневой денег.

Добавил – отнюдь не злословил:

«Была в обороне прореха!»

Но Липецк пилотов готовил

Для вермахта третьего рейха!

И дьявол историк – ни слова

(Как речь о делах ширпотреба!)

О голоде тридцать второго,

Поставках в Германию хлеба.

Толкует подросткам в азарте,

Не скажет, подонок, однако,

Как мир поделили на карте

Те страшные два вурдалака.

Не вспомнит и в выжженном Мценске

Лукавые переговоры

О том, чтобы с выродком венским

Напасть на планету, как воры.

И третье уж тысячелетье,

Но правда – в жестоком распиле,

И слушают милые детти

Слова о величии пыли...

(5 сентября 2010)

Блаженная Мадонна

*Памяти моей тётки
Галины Васильевны Манжос*

Так вышло. И могла ли знать она,
Что окровавит землю на рассвете,
Вороньих стай кормилица, война,
Пред памятью которой мы в ответе?

Так вышло. Взрывы бомб и вой сирен,
Рёв «юнкерсов» и пулемётный высверк.
И бой. И окружение. И плен.
Чужая речь и изощренный изверг.

Она любила Блока и Руссо
И верила в народ. Ей шел двадцатый.
Но прокатилось пыток колесо
По юности, наивной и крылатой.

Всего одна из миллионов жертв,
Кто начал жить, да жизни не изведаль...
Сдало не сердце – сдал последний нерв.
И предал не язык – рассудок предал.

Был страшен бред, но чёрная тюрьма
Не собрала тех слов пустые комья.
Под пытками она сошла с ума,
В беспомыслии и веруя, и помня.

Её спасли – была ещё жива
И даже боль смогла переупрямить.
Зажили швы. Но нет такого шва,
Что заживил бы взорванную память.

И вот теперь, безвременье спустя,
Зачав во благе «от Святого Духа»,
В пустых руках баюкает «Дитя»,
Слова любви шепча «Ему на ухо».

Собак пересчитает из окна,
Закрыв глаза, соорудит ракету,
Чтоб переслать их с этой, где война,
На ту, на невоенную, планету.

И раз уж голубая тишина
На этой не мерещится планете,
То надо быть стартующим сполна
За всё, что не отвечено, – в ответе.

На самом деле... было всё не так,

И весь рассказ – гора словесной чуши!
И отчий дом, ночной расплавив мрак,
Чтоб не отдать врагу, сожгли «катюши».

И шли они дорогами войны —
Седая мать, она, её два брата,
К родне – на сухари, не на блины,
Да не дошли, и дуло автомата

Воткнулось в бок, и вывели на гать
Всех четверых – скосить очередями:
Нет «аусвайса» – значит расстрелять,
Зарыв их в общей безымянной яме!

Но умолила чем-то палача
Супруга машиниста-репрессанта,
И гнали их, неволи злой уча,
В страну беды, отринувшую Канта.

Всё пережили – и фабричный пар,
И плеть фолькс-дойч, и вышки с часовыми,
Свобода им была как Божий дар,
С отметками на судьбах пулевыми.

Педтехникум, потом – далёкий край
И новизна большой советской школы...

И был на вид не оберполицай
Директор, добродушный и весёлый.

Как водится, – женат. Из всех столбов
Он – среди первых по амурским плёсам,
А посему свободную любовь
Он предложил ей, пригрозив доносом:

Была, мол, за границей, и чуть что...
Мол, угождала немцам – всё же свой он...
Но получил за это и за то
Один плевок, какого был достоин.

И был донос, и был затем допрос —
Шпионская обыденная драма:
Тушение о кожу папирос,
Без сна – все ночи и побои хама.

Но отпустили – поняли: больна.
В бреду и с синяками на коленях
Домой, в Воронеж, ехала она
На электричках, без копейки денег.

Сказала мать, что нет утиль-сырья,
Но нищая в истертом, грязном платье
Вдруг прохрипела: «Мама, это я...»

И на пороге рухнула в объятия.

И вот теперь, безвременье спустя,
Зачав во благе – «от Святого Духа»,
В пустых руках баюкает «Дитя»,
Слова любви шепча «Ему на ухо».

Собак пересчитает из окна,
Закрыв глаза, соорудит ракету,
Чтоб переслать их с этой, где война,
На ту, на невоенную, планету.

А чтоб чего не вышло – до беды
Тут далеко ли новой! – бабка внуку
Врала про дочь на разные лады,
Потом, крестясь, шептала что-то в руку...

(2005)

Богиня²

Я написал письмо богине,
Люблю, мол, вас, и всё такое.
Писал про то по той причине,
Что не писалось про другое.

Я рассказал, как ею болен,
Я вылил чувства на бумагу,
Я взмылен был, и был я взмолен,
Как будто ей давал присягу.

Мелькали дни – я ждал ответа,
Я дни считал, и всё такое...
Шептал во сне: «Светланка, Света!» —
Мне не шепталось про другое.

Средь ежедневных куролесиц
Скудели сны мои благие.
За третьим шёл четвертый месяц —
С ответом медлила богиня.

² В конце 1970-х – начале 1980-х по армипрокатилась волна самоубийств. По слухам, их причина была в неверности девушек, не дождавшихся своих парней.

И я искал душе покоя,
Не веря старым адресам уж.
Тут пишет брат, что, всё такое...
Что за него богиня... замуж.

Пускай пройдёт печаль солдата!
Богиням вреден здешний климат.
Богиня в том не виновата,
Что не богиней я покинут.

Серег, ты себя не мучай.
Я еду, еду далеко я.
Вас известят: несчастный случай,
И всё такое, всё такое...

(1984)

Большая перемена

Грязь прикинулась звёздной высью,
Дума чёрная – светлой мыслью,
За нарядность сошло нагое,
И представилась счастьем горе,

Показалась неволя раем,
Обозначилась тюрьма – чаем,
Там, где кривда, примстилась правда,
Записалась пером кувалда.

Притворилось коварство честью,
Тень наветная – доброй вестью,
Обернулась молвой базарность,
От похвал расцвела бездарность.

Что же с нами случилось, боже,
Если в зеркале уж – не то же,
А в мечтах завелась угрюмость,
Зреет старость и вянет юность?

В перемен роковой богеме
Затаился недобрый гений.
Стало ясно мне утром этим:

Мы себя, потеряв, не встретим...

(11 декабря 2010)

Бомжи

Играют в шахматы бомжи
Светло и беззаботно,
Как будто не прижала жизнь
К земле бесповоротно,

Как будто теплится в груди
Огарок прежней веры,
Как будто двигают ладьи
Не сволочи, а пэры,

Как будто вовсе не пусты
Дырявые карманы...
И ржут бомжи, и бдят менты,
Вкусив небесной манны.

(12 мая 2011)

В ночном троллейбусе

Гудят последние троллейбусы,
Бредут усталые прохожие,
Гадающие судьбы-ребусы
И друг на друга непохожие.

Троллейбус, выплывший из полночи,
Набит толпою суетливою.
Седой старик, держась за поручни,
Глядит на девушку красивую.

А девушка совсем не чувствует,
Следя за окнами бегущими,
Как кто-то юности напутствует
Глазами, юность не имущими.

А свет – так падает невыгодно!
Тень резче скулы обозначила.
Он вышел. Но в ночи безвыходно
Спина сутулая маячила.

Троллейбус дальше мчался в сумерки,
Как жизнь – спешащая, неждущая.
В неоновом холодном сурике

Кто может знать свое грядущее?

Мы все когда-то станет старыми,
Рок разлучит нас неминуемый
С весенним смехом и гитарами,
Со всем, чего не оттоскуем мы.

Но в том ли дело – поздно, рано ли
Мы отойдём в ночные роздыми?
Как много тех, что в полночь канули,
Как мало тех, что пали звёздами!

(1979)

Вавилонская башня

Мы строили путь осиянный,
До неба добраться хотели,
Но стали чужими друг другу, —
Так сделал разгневанный Бог.
Понять мы не в силах ни слова
Из тех, что другие глаголят,
Мы только себя понимаем, —
Так сделал разгневанный Бог.

Тяжка ты, верховная кара!
Ведь нынче – что башня до неба! —
Халупу, и ту не построишь,
На разных крича языках.
О гордости, чести и славе,
О верности и благородстве,
О долге, о правде, о мире
На разных крича языках.

Все сдвинулись прежние меры,
Все стёрлись былые значенья,
Лишь деньги не вырвала буря,
Но деньги не мерят всего.
Великий хаос в Вавилоне

От грешного столпотворенья,
Великая купля-продажа,
Но деньги не меряют всего.

Несладко и с золотом нищим.
Мы с грустью теперь вспоминаем:
Был песней, связующей души,
Потерянный общий язык.
Когда-то ещё мы отыщем
Согласья чарующий раем,
Ласкающий грубые уши
Потерянный общий язык!

(1985, Трускавец)

Вечерний гость

Я был один. И был один мой дом.
И был один в полу поющий гвоздь.
Но он пришёл, и мы уже вдвоём —
Я, дом и гвоздь, – и мой вечерний гость.

И был нарушен грусти карантин,
И новым был я, новому учась.
Но он ушёл, и снова стал один —
Дом, гвоздь и я... как собственная часть.

(1981)

Вирус Z

Высохшая, как таранка,
Браслетом звеня о браслет,
Ему нагадала цыганка
Много счастливых лет.

Он слушал её, убогую,
И, ручку ей золотя,
Думал: «Ну, вот, ей-богу,
Природы еще дитя!

Не надо мне знать, что будет,
И незачем в душу лезть.
Судьба нас сама рассудит,
И то хорошо, что есть».

Весь день он, судьбой ведомый,
Крутился в её колесе,
Подружку довёл до дома
И в поздний троллейбус сел.

А там уже были трое,
Под градусом не слегка:
«Эй, ты, дерьмо коровье!

Болеешь за ЦСКА?»

А он отвечал: «Да что за них болеть?
По мячу ногой попасть не могут.
По ним бы панихиду петь,
Да от их игры разбирает хохот».

На следующей остановке
Три здоровенных лба
Схватили его за локти —
Рассудит их, знать, судьба!

И вытащили, и в парке
Всадили в висок кастет.
Шепнул он в ответ цыганке:
«Много счастливых лет...»

И мёртвого долго било
Бутсами сволочьё,
А всем интересно было
На тело глядеть ничьё.

Глаза его так отверсто
Вливались в небесный свод,
И праздновал вирус зверства
Удавшийся свой налёт.

К чему утешаться ложью!
Как пыль с чердака в матрас,
Сквозь толстую нашу кожу
Он проникает в нас.

Прозревшие чрезвычайно,
Сопливые малыши,
Мы рано узнали «тайну»,
Что «нет в телесе души».

На знании том и вырос
В век атома и орбит
Убийственный этот вирус,
Души обезьяний СПИД.

Ни духа нам нет, ни буквы
И все небеса пусты,
И ходят по свету куклы,
И жгут над собой мосты.

Ни в шутку и ни серьёзно
Живём, по делам спеша,
И как бы не вспомнить поздно,
Что в теле была душа!

(1987)

Возвышение хама

...А в Смутный год возвысилось хамьё.

Провозгласив всеобщее ничьё,

Оно, свою победу торжествуя

И силу вертухайную почуя,

Воздело свиномордие своё.

И, где сияли храмы, – там гнильё,

Где колосились нивы, – там быльё,

Где расцветали сёла, – строй в ружьё

Да за «колючкой» – зэчное рваньё,

Да воровское грает вороньё.

Играя в «классы», наточив копьё,

Всемирный бой затеяло хамьё,

И миллионы нерасцветших жизней,

Забывших, не помянутых на тризне,

Вмиг обратились в пепел и смольё.

Но свои классы есть и у хамья

(Да, собственно, о том и речь моя):

Одно хамьё доносы лихо строчит,

Другое всё великое порочит,

А третье строит «планов громадьё»,

Прекрасно зная: все они – враньё.

Но после возвышения хамья

Нет прежних нот и в песне соловья...

(2004)

Волшебная палочка

Волшебная палочка в куче ненужных вещей
У старой хозяйки лежала забыто в сарае.
Её обронил где-то разгорячённый Кощей,
С Иваном Царевичем будучи в страшном раздрае.

Пруток приглянувшийся долго хранила она:
Подвязывала помидоры в подворном масштабе,
Да вот постарела, и стала теперь не нужна
Для дел огородных волшебная палочка бабе.

Не знала она, что за сила была в том прутке;
Не ягоды зрели на стеблях – природы шедевры
В ответ на молитву, и в тихом, слепом закутке
Хозяйка из сочных томатов крутила консервы.

Свозить урожай помогала лихая родня,
Что вся в один день, как большая и шумная стая,
Слеталась на грядки, и было им день ото дня
Всё радостней жить, подкрепляясь и приобретаая.

Но в спину вступило и крайний приблизился срок,
Никто из родных не помог заготовить рассаду,
И еле вставала, больная, не чувствуя ног,

И с горькой бессонницей бабе уж не было сладу.

Детей и внучат вспоминала она по ночам,
И всё сокрушалась: как жить будут новую зиму?
Вот силы рукам бы и света угасшим очам,
Тогда бы опять собрались помидоры в корзину!

Но, видно, мечта была эта не слишком светла,
Чтоб в жизнь воплотиться,
в костре одиноко сгорая...
Волшебная палочка сделала всё, что могла,
Оставшись забытой в гнилом деревенском сарае.

(30 ноября 2012)

Город Грядущих Лет

Есть город на свете – он вечен, как мир
(Пусть скажут иные: «Бред!»).
Там дружат барокко, модерн и ампир —
Город Минувших Лет 1.
Там рок и романсы, любовь и наган,
Компьютер и сабель звон...
Однажды поставил я свой чемодан
На пыльный его перрон.

Нет, я не историк, и не на семестр
К студентам сюда попал.
Состав не встречал духовой оркестр,
И был полупуст вокзал.
Я вышел на площадь, забрался в такси.
Водитель спросил: «Куда?..»
А я отвечал: «Слушай, друг, отвези
В Несбывшиеся Года».

«Такого я адреса здесь не встречал, —
Водитель буркнул в ответ. —
Здесь не намалёванный твой идеал,
А Город Минувших Лет».
«Ну, что ж, давай в 19-й год,

Где дед бронепоезд вёл,
Спасая страну от бандитских орд
В глуши украинских сёл.

А вот он и сам – удалец-молодец,
Рука – на шнурке свистка.
Смеётся: «Зелёным и белым – конец!
Намяли мы им бока!»
А в 37-м он лишён был прав,
Но не машинистских, нет! —
В аварию как-то попал состав,
И был арестован дед.

Наезд неслучаен: громили альков
Одной из безумнейших вер:
Охота на старых большевиков
Шла в Сталинском ССР.
Езжай теперь в 41-й, таксист,
Что в дымной чернеет мгле
И так похоронками голосист...
Вот дед мой другой – в Орле.

Как чёрт многоногий, немец прёт...
Мой дед – на земле сырой:
Попал осколок в его миномёт...
Год жизни – тридцать второй...

Тяжёлая рана, бросило в жар,
Потом – будто в чёрный снег:
«К другим давай ползи, санитар!
Анюта! Прощай навек!»

И что ж всё так худо? А доброе – есть?..
И водится ль на Руси?
«Да век-то – двадцатый! Пора пересесть
Тебе в другое такси.
Иные наступят стужа и зной,
И морок, и свет планет...
Теперь повезёт тебя сменщик мой
В Город Грядущих Лет.

Там новым лаптем хлебать будут щи
И праздновать день стыда.
Запомни только: нигде не ищи
Несбывшиеся Года.
К искателям путь в тот квартал жесток,
Ты время потратишь зря,
И жизни твоей последний листок
Сорвётся с календаря».

(1987)

Двое из прошлого

На лицах улиц – тишина,
Предновогодний блеск гирлянд.
Вот появляется Княжна,
А с ней – Бродячий Музыкант.
По лицам улиц в тишине
Их тени льются в глубь аллеи,
И веют веком королей
Шаги и песни о Луне.

Ведёт мелодию смычок
И верен струнам музыкант.
В его заплочный узелок
Уложен скудный провиант.
Да лебединых два крыла,
Да неизвестные стихи,
А в них – забытые грехи,
А может, добрые дела.

Поёт печальная Княжна
О заповедном рубеже,
О том, что странная страна
Живёт в мечтающей душе
Что ни верхом и ни пешком

Рубеж тот не преодолеть,
Что только плетью будет плеть,
Смычок – останется смычком.

Другую сторону Луне
К земле никак не повернуть,
И к той, незримой, стороне
Их тихий и хрустальный путь.
При свете зримой стороны,
Когда аллей подтает мгла, —
Как лебединых два крыла
Две исчезающих спины...

(1978)

Дедалы и Икары

Оставим праотцов и вспомним про отцов,
Которые нас били и любили,
Кормили и учили, как птенцов,
Летать, не надрывая сухожилий.
Дорогами печалей и невзгод
Одни дошли, других догнали пули —
Всё ради нас, которые дерзнули
Большим полётом сделать тот поход.

Иных сдавило тягою земли,
И поздний ум их праздновал бессилье,
Но те из них, которые дошли,
Изобрели искусственные крылья.
И, прикрепив их к нашим поясам,
Предупреждали, вслед плетясь сутуло:
«Не надрывайтесь! Нас земля согнула,
А вам теперь дорога – к небесам!»

И взмыли мы, друг друга веселя,
Затрепетали крылья парусами.
А где-то там, внизу, плыла земля
С далёкими сутулыми отцами.
И долго нам они глядели вслед

Из-под руки, как из-под нимба, немо,
Но перед нами было только небо,
И слов прощальных не было в ответ.

И вот уж мы смеёмся свысока
Над той тропой, где нашего следа нет,
И тяготенья цепкая рука
К планете старой нас уже не тянет.
Ведь там, внизу, всё мелко, всё смешно
И всё до невозможности ничтожно,
И нам туда вернуться невозможно,
Поскольку падать крыльям не дано.

У нас теперь совсем другая цель,
У нас иного времени потреба —
Забуть страданий наших колыбель
И верить в неразвенчанное небо!
Всё выше над отеческим трудом
Возносят нас отеческие крылья...
Не надорвутся наши сухожилия —
Лишь одряхлеют в воздухе пустом.

(1980)

Деловой Человек

Проживал на земле Деловой Человек,
Этот мир для него был не нов:
Был он чёрным и белым, как уголь и снег,
Без оттенков и полутонов.

Он в сомнении до крови губ не кусал,
Не творил ни добра, ни грехов
И, ромашки губя, не гадал, не писал
О любви бестолковых стихов.

Но однажды на свет из окошка его,
В блеске звёзд, в шепотке камыша,
Забрела на ночлег ни с того ни с сего
Одинокая Чья-то Душа.

И сказала она: «Для чего ты живёшь?
Что ты хочешь от жизни, чудак?
Правда цифр для души – беспросветная ложь,
Свет насущный для истины – мрак».

И подумал тогда Деловой Человек,
Что напрасно он жил, мельтеша,
Но растаяла, не заплатив за ночлег,

Одинокая Чья-то Душа.

И покой потерял Человек Деловой,
И расстроилась жизнь по часам,
Говорят, он Душе заплатил головой,
А за что – и не ведает сам...

(1980)

День рождения неизвестных

Поздравляю вас с днём рождения,
Ибо в вечности не воспеты, —
Осуждённые на забвение
Удивительные поэты!

Кому памятники не ставились,
Кто во свиту не вхож царёву,
Не печатались и не славились,
Но волхвами служили Слову.

Кто был изгнан, из бед не выручен —
Преклоню перед тем колено!
Всё же чтим, не забыт и выучен,
И спасён от людского тлена.

Но светла – из огня да в полымя! —
От Бояна векам награда —
В «Илиаду» Гомером вовремя
Переделанная «Трояда»!

Кто раскрыл бы суть Слова княжьего,
Как не Игорь сам, внук Олега?
Не опишет ни мних, ни страж его,

Как скрипит ступня телеги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.